
Донатистское движение и его характеристика по новооткрытым эпиграфическим документам.

Въ Сѣверной Африкѣ, особенно въ той части ея, которая соотвѣтствуетъ древней Нумиди, за послѣднее время было открыто немалое количество обломковъ древней архитектуры и другихъ археологическихъ памятниковъ съ надписями, — надписями христіанскими и относящимися къ тому времени, когда въ африканской церкви особенно интенсивно было доонатистское движение. Надписи эти, между прочимъ, заинтересовали французскаго ученаго Paul Monceaux, который и вообще удѣляетъ много вниманія христіанской эпиграфикѣ латинской Африки и, отъ времени до времени, публикуетъ *Enquete sur l'épigraphie chrétienne de l'Afrique*. А въ своемъ обширномъ изслѣдованіи: *Histoire littéraire de l'Afrique chrétienne* ¹⁾ онъ посвятилъ цѣлые отдѣлы спеціальному обзорѣнію эпиграфическихъ памятниковъ христіанской Африки ²⁾.

Вновь открытые эпиграфическіе документы собраны были и описаны г-мъ Guélin, который эту свою археологическую опись въ рукописи препроводилъ въ такъ называемую „Ком-

¹⁾ *Histoire littéraire de l'Afrique chrétienne depuis les origines jusqu'à l'invasion arabe*, par Paul Monceaux docteur ès lettres. Вышли т. I: Tertullien et les origines. Paris 1901. т. II: Saint-Cyprien et son temps. P. 1902 т. III: Le IVe-n siècle. D'Arnobé à Victorin P. 1905. Помимо христіанской латинской литературы Африки, Monceaux дѣлалъ объектомъ научнаго изученія и литературу языческую той же мѣстности. У него есть между прочимъ этюдъ объ афр. лат. писателѣ Апулеѣ.

²⁾ Т. II, livre 3, chap. 5: Les premières inscriptions chrétiennes d'Afrique. Т. III, l. 5, chap. 3: Inscriptions relatives à la persécution.—L'épigraphie chrétienne d'Afrique au IVe siècle. livre 7, chap. 1: Les inscriptions métriques.

миссію по изслѣдованію Сѣверной Африки“. Секретарь этой Комиссіи René Cagnat, авторъ извѣстнаго, выдержавшаго уже нѣсколько изданій, курса латинской эпиграфики (*Cours d'épigraphie latine*) передалъ этотъ рукописный инвентарь, вмѣстѣ съ эстампажами, въ руки Monceaux. Послѣдній, ознакомившись съ новымъ эпиграфическимъ матеріаломъ ¹⁾, нашелъ въ немъ много любопытнаго для характеристики донагистскаго движенія. Присоединивъ къ вновь найденнымъ и еще не опубликованнымъ надписямъ рядъ другихъ, уже изданныхъ эпиграфическихъ документовъ, онъ написалъ на основаніи ихъ интересную статью: „L'épigraphie donatiste“, помѣщенную въ *Revue de Philologie* (Avril—Juillet. 1909). Эта статья, очень живо написанна и съ содержаніемъ ея мы сейчасъ постараемся познакомить читателей Б. Вѣстника.

Нѣтъ нужды, говоритъ Monceaux, распространяться много объ историческомъ интересѣ, возбуждаемомъ эпиграфическими документами ²⁾. Это вѣдь были современники, непосредственные свидѣтели, очевидцы религіозныхъ споровъ, волновавшихъ африканскихъ христіанъ. Надписи донагистовъ даютъ намъ живое представленіе объ ихъ запросахъ и стремленіяхъ, объ ихъ часто наивныхъ притязаніяхъ. Тутъ предъ нами, можно сказать, психологія донагистской общины.

Но изучающій донагистскую эпиграфику наталкивается на одно, очень серьезное затрудненіе. Изъ другихъ историческихъ источниковъ, по которымъ реконструируется исторія донагизма, мы знаемъ, что въ IV и V-мъ вѣкѣ донагизмъ былъ широко распространенъ въ Африкѣ. Въ Нумидіи напр., донагистская община, какъ свидѣтельствуя даже ея противники, превосходила православныхъ по числу своихъ членовъ (*Aug. Ep. 129, 6. Collat. Carthag. 1, 165*). Это естественно заставляетъ предполагать, что, можетъ быть, добрая половина христіанскихъ надписей указаннаго періода, открытыхъ въ Нумидіи и смежныхъ округахъ, принадлежала расколь-

¹⁾ Monceaux опубликовалъ его въ *Recueil des notices et mémoires de la Société Archeologique de Constantine*, XL II, 1908, p 193—236 (*P. Monceaux, Inscriptions chrétiennes du cercle de Tebessa découverts par le commandant Guénin* (49 numéros). *Ср. Revue Archeologique* 1909 (Sept.-Oct).

²⁾ О культурно-историческомъ значеніи вообще римскихъ надписей см., между прочимъ у *A. Zimmermann, Der kulturgeschichtliche Werth der römischen Inschriften*, Hamburg 1887.

никамъ. Но раскольники африканскіе сохранили традиціи древней церкви: формы церковной организаціи и управленія, чинъ древней литургіи и даже традиціонныя формулы надгробныхъ надписей. Однимъ словомъ, африканскій расколъ, всегда остававшійся расколомъ, не переходя въ ересь, оставилъ въ неизмѣнности многія черты обще-христіанской и мѣстной традиціи. По этимъ причинамъ въ большинствѣ случаевъ у изслѣдователя буквально нѣтъ никакихъ средствъ отличить всевозможные посвяtitельные памятники, могильные монументы и базилики донатистовъ отъ православныхъ. Только по исключенію надписи на этихъ археологическихъ памятникахъ выдають свое происхожденіе. Къ счастью эти исключенія не рѣдки и мы, въ извѣстныхъ размѣрахъ, можемъ реконструировать область донатистской эпиграфики, установивши ея характерныя черты и особенности. Мопсеахъ, широко начитанный въ области и литературныхъ памятниковъ латинской Африки и эпиграфическихъ документовъ, прекрасно справляется съ этой задачей реконструирования, дѣлая иногда очень интересныя выводы и сопоставленія. Онъ разбиваетъ всю совокупность донатистскихъ эпиграфическихъ документовъ на четыре группы.

Къ первой группѣ принадлежатъ тѣ надписи, въ которыхъ фигурируетъ характерная для донатистовъ формула, игравшая у нихъ роль лозунга.

Во вторую группу Мопсеахъ объединяетъ тѣ монументальныя надписи, гдѣ ярко выражены чувства и притязанія раскольниковъ, которыя они высказывали обыкновенно при своей полемикѣ съ православными. Этотъ рядъ донатистскихъ документовъ сопоставляется съ параллельной серіей православныхъ документовъ, содержащихъ отвѣтъ на притязанія раскольниковъ.

Къ третьей группѣ принадлежатъ надписи, относящіяся къ мученикамъ донатистской общины (мартирологическій отдѣлъ донатистской эпиграфики).

Четвертую группу образуютъ надгробныя надписи донатистовъ (сепулькральная эпиграфика).

I.

Обратимся къ подробному разсмотрѣнію первой группы. Она обнимаетъ собою надписи, которыя содержатъ въ себѣ

донатистскій девизъ: *Deo laudes*, воспроизводимый или отдѣльно, безъ всякихъ другихъ прибавленій, или же въ связи съ другими формулами.

Изъ сочиненій бл. Августина мы знаемъ, что наиболѣе фанатичны приверженцы партіи Доната, именно циркумцелліоны, сдѣлали изъ упомянутаго девиза военный кличъ, терроризовавшій всю страну. Бл. Августинъ часто упоминаетъ о томъ, какой ужасъ и положительную панику наводилъ на африканскихъ христіанъ дикій вопль циркумцелліоновъ, выкрикивавшихъ свой девизъ. „Сколько разъ,—говоритъ онъ, обращаясь къ донатистамъ,— *Deo laudes* вашихъ вооруженныхъ шаекъ причиняло тревогу и безпокойство. Вашего *Deo laudes* больше страшатся, чѣмъ военной трубы (Aug. *Contra litteras Petilianii* II, 65, 146; 84, 186).

Когда Макробій, донатистскій епископъ, совершалъ свой триумфальный въездъ въ Гиппонъ (около 409 г.), то его эскортировали цѣлые отряды циркумцелліоновъ, выкрикивавшихъ, среди своихъ побѣдныхъ пѣсенъ, рефрэнъ: *Deo laudes*,—рефрэнъ, который во всѣхъ ихъ разбойныхъ предпріятіяхъ былъ сигналомъ сраженія (Aug. *Ep.* 118, 5, 14).

У православныхъ былъ другой девизъ. Донатистскому *Deo laudes* у нихъ соотвѣтствовало: *Deo gratias*. Августинъ въ одномъ мѣстѣ противопоставляетъ эти формулы. „Дай Богъ, говоритъ онъ, чтобы циркумцелліоны были дѣйствительно „воинами Христа“, а не солдатами діавола. Яростный ревъ льва не наводитъ такого страха, какъ ихъ *Deo laudes*. И они еще смѣются надъ нами за то, что наши братья, привѣтствуя когонибудь, говорятъ: *Deo gratias*... Вы смѣетесь надъ нашимъ *Deo gratias*, но ваше *Deo laudes* заставляетъ людей трепетать отъ страха (Enarr. in *Psalms*. 132, 6).

Эти выдержки изъ сочиненій Августина позволяютъ сдѣлать очень важный выводъ въ примѣненіи къ эпиграфическимъ документамъ. Формулы *Deo laudes* и *Deo gratias*, встрѣчающіяся въ африканской эпиграфикѣ IV и V вѣка, являются вѣрнымъ признакомъ,—первая—донатистскаго происхожденія надписи, а вторая—православнаго. Такимъ образомъ, въ руки изслѣдователя-эпиграфиста дается критерій для опредѣленія донатистскихъ надписей и ограниченія ихъ отъ области православной эпиграфики.

Deo laudes читается на двухъ десяткахъ памятниковъ, ко-

торые были найдены главнымъ образомъ въ Нумидіи, а также въ Ситифійскомъ округѣ. Многіе изъ нихъ принадлежать 4-му вѣку. Большинство открытыхъ монументовъ представляютъ изъ себя обломки архитектуры, принадлежавшей, очевидно, донатистскимъ зданіямъ: скульптурные пилястры, столбы базилики, дверные косяки, притолки (*epistylia*), камни изъ сводовъ, и, наконецъ, обломки, назначеніе которыхъ теперь трудно опредѣлить. Донатистскій девизъ попадается даже на такихъ вещахъ, какъ камешки, вдѣлываемые въ перстни. Очевидно, что этотъ девизъ былъ очень популяренъ въ раскольниковъ общинѣ. Онъ былъ лозунгомъ партіи, онъ же игралъ роль въ декорациі базиликъ и часовенъ, въ украшеніи вещей частнаго и домашняго обихода.

Перечислимъ тѣ монументы, гдѣ формула *Deo laudes* стоитъ одиноко, безъ всякихъ другихъ формулъ или символовъ. Сюда относится столбъ, найденный въ Henchir Gosset (къ юго-западу отъ Тибессы), см. *Corpus inscriptionum latinarum* t. VIII, 2046 ¹⁾. Далѣе—камень изъ Aïn Mtirschou (область Khenchela), на которомъ изваяны двѣ розетки подъ донатистскимъ лозунгомъ: *Deo laudes* (C. I. L. VIII, 17768).

Девизъ встрѣчается отдѣльно отъ другихъ формулъ на бронзовыхъ перстняхъ, сохраняемыхъ въ Constantine. Это были, быть можетъ, перстни донатистскихъ епископовъ. Одинъ изъ такихъ перстней, найденный въ Ferdjiona между Milov и Cuicul, имѣетъ девизъ, выписанный всѣми буквами въ двѣ строчки (C. I. L. VIII, 22653, 10. Besnier et Blanchet. *Collection Farges*, p. 65, n. 36). Другой перстень, неизвѣстный по мѣсту происхожденія, даетъ ту же самую формулу, только въ сокращеніи: *D(e)o laud(e)s* (Vars, *Recueil de Constantine XXXII* (1898), p. 352, n. 207). Очевидно, что эти два слова казались adeptамъ донатизма настолько краснорѣчивыми, что всякое прибавленіе къ нимъ, всякій комментарий ихъ представлялись совершенно излишни.

Впрочемъ донатистскій девизъ сопровождался и константиновской монограммой, присутствіе которой позволяетъ

¹⁾ Восьмой томъ *Corpus*'а содержитъ въ себѣ специально африканскія надписи. Далѣе онъ будетъ цитируемъ сокращенно: C. I. L. VIII. Къ этому же VIII му тому приложены и карты, прекрасно помогающія опредѣленію топографіи разсматриваемыхъ эпиграфическихъ памятниковъ.

относити надпись къ IV-му вѣку. Сюда принадлежатъ красивые пилястры, сохраняемые теперь въ Khenchela (древн. Mascula). Пилястры эти по тремъ сторонамъ богато украшены скульптурой. Декоративные орнаменты состоятъ изъ прямоугольных рамокъ, розетокъ, концентрическихъ круговъ, аркадъ, вѣтвей, цвѣтовъ, вѣнковъ, ампулъ, четвероногихъ животныхъ, рыбъ, голубей и, наконецъ, изъ большой константиновской монограммы поверхъ надписи: Deo laudes (С. I. L. VIII, 2223; 17718; 17732). Это—пышные остатки донатистскаго памятника, вѣроятно базилики, которая, по времени, должна быть ранѣе Августина.

Другіе эпиграфическіе документы Нумидіи даютъ намъ Deo laudes въ связи съ другими формулами. Такова надпись тоже 4 вѣка, которая вырѣзана на арочномъ камнѣ изъ развалинъ базилики въ Henchir Bou Saïd (между Тибессой и Khenchela). Здѣсь, какъ и на пилястрахъ изъ Mascula, Cedias и Bagaï, константиновская монограмма начертана надъ Deo laudes, но она сверхъ того съ правой и лѣвой стороны окружена двумя В,—сокращеніе формулы: В(оніс) в(ене). Эта неизданная еще надпись извлечена Монсеахъ изъ рукописнаго собранія надписей составленнаго Guenin'омъ.

Иногда христіанская монограмма замѣняется обращеніемъ ко Христу, которое выражено и вырѣзано на камнѣ сполна. Такъ на камнѣ, открытомъ въ Djemma Titaya (между Aïn Beïda и Khenchela), Deo laudes предваряется обращеніемъ: „In nomine (Ch)risti Fi(1)i (Dei“ (Toussaint, Bull. arch. du Comité des Travaux historiques, 1894, p. 85, n. 4).

Въ некоторыхъ случаяхъ вмѣсто того, чтобы соединяться съ другими формулами, донатистскій девизъ самъ получаетъ распространеніе и развитіе чрезъ прибавленіе глаголовъ, въ родѣ dicamus или agamus, которые дополняютъ и опредѣляютъ точнѣе смыслъ. Такъ на дверной притолкѣ, найденномъ въ Bir-es Sed (къ юго-западу отъ Тебессы) изображена большая константиновская монограмма въ кругѣ; направо и налево отъ нея надпись на двухъ строкахъ: Deo laudes dicamus (С. I. L. VIII, 10694). Такая же формула встрѣчается на большомъ камнѣ изъ Medfoun (трактъ Aïn Beïda въ Константинонѣ). См. С. I. L. VIII, 18669.

Монументъ изъ Dalaa (между Mascula и Theveste) даетъ слѣдующій вариантъ: Deo laudes agamus (С. I. L. VIII, 2308

и р. 950). Та или другая формула фигурировала безъ сомнѣнія и въ документѣ, наиболѣе связномъ, какой удалось открыть въ Henchir El-Atrous (къ юго-западу отъ Тебессы около Tellidjen), въ развалинахъ маленькаго зданія со столбами и пилястрами. На одномъ изъ столбовъ, на ряду съ константиновской монограммой, заключенной въ кругъ, грубо вырѣзана надпись (въ 7 строкъ), принадлежащая къ 4-му вѣку. Она очень трудна для чтенія, но содержитъ по всей видимости формулу Deo laudes (надпись неизданная, изъ собранія Guénin).

Многιά надписи, не воспроизводя дословно донатистскаго девиза, парафразируютъ его или же намекаютъ на него такимъ или инымъ образомъ. Встрѣчается замѣна Deus словомъ Dominus. Въ долиинѣ Rounie, въ развалинахъ христіанскихъ зданій на одномъ камнѣ читается: [D]o[mi]ni [la]udes ca[n]a[m]us], на одномъ столбѣ: Dei Domini justi [laudes canamus?]. См. С. I. L. VIII, 10969.

Недавно открытый въ маленькой часовнѣ, въ Henchir Bekkouche (къ югу отъ Тебессы) камень имѣетъ слѣдующую посвятельную надпись надъ монограммой въ соединеніи съ $\alpha-\omega$:

Maximinus cum suis votum solverunt. Laude[s] D(o)m(i)n(o).

(Неизданная надпись изъ Henchir Bekkouche).

Эти документы, не будучи вполне донатистскими носятъ однако слѣды сектантскаго вліянія.

Изъ всѣхъ монументовъ, гдѣ фигурируетъ Deo laudes, наиболѣе любопытенъ найденный въ Sillègue (въ Ситифійскомъ округѣ) обломокъ дверной перекладины. Здѣсь читается слѣдующая надпись, къ сожалѣнію не полная:

Deo laudes super aquas a No[va]rensibus?

(С. I. L. VIII, 20482).

Формула super aquas помогаетъ намъ точнѣе опредѣлить, какому зданію принадлежалъ разсматриваемый монументъ. Эта формула заимствована изъ Библии, можетъ быть изъ книги Бытія: Spiritus Dei ferebatur super aquas (Gen. 1, 2) а можетъ быть изъ Псалмовъ: Vox Domini super aquas multas (Ps. 28, 3). Этотъ послѣдній стихъ былъ часто цитуемъ въ африканскихъ спорахъ и полемикахъ относительно крещенія. Его нерѣдко вырѣзывали на купеляхъ ¹⁾. Отсюда можно

¹⁾ Marquet de Vasselot, Bull. des Antiquaires de France 1902, p 291.

предполагать, что упомянутая надпись была помѣщена надъ вратами донатистской крещальни.

Девизъ африканскихъ раскольниковъ читается на большомъ количествѣ археологическихъ документовъ, на обломкахъ архитектуры базиликъ и другихъ священныхъ зданій. Его надписывали на фасадахъ, надъ входными дверями въ храмахъ. Кидаясь невольно въ глаза проходящихъ, онъ напоминалъ имъ, что донатистская община продолжаетъ существовать и остается сильной и непобѣдимой не смотря на преслѣдованія и гоненія. Донатисты бросали этимъ какъ бы вызовъ господствующей церкви, которая отвѣчала тѣмъ, что противопоставляла девизу девизъ. Мы имѣемъ подтвержденіе этого на нѣкоторыхъ монументахъ.

Въ развалинахъ города Bagaï, одного изъ священныхъ городовъ донатизма (Aug. Enarr. II in Psalm. 21, 26), гдѣ еп. Донатъ и циркумцелліоны сопротивлялись даже африканскимъ войскамъ (Optat. III, 4), гдѣ позже раскольники очень часто нападали на своихъ противниковъ, у которыхъ однажды даже избили епископа (Aug. Ep. 185, 7, 25; Contra Cresconium III, 43, 47), найденъ обломокъ капители, гдѣ читается девизъ православныхъ: Deo gratias (C. I. L. VIII, 2292).

Въ Henchir Bou-Saïd (къ востоку отъ Тебессы), гдѣ, какъ выше сказано, былъ найденъ камень, имѣющій девизъ донатистовъ съ константиновской монограммой и формулу: Bonis bene, найденъ еще обломокъ свода изъ абсиды православной церкви. Онъ имѣетъ посвятительную надпись, гдѣ фигурируетъ православный девизъ. Вотъ эта надпись, состоящая изъ восьми строкъ и повидимому относящаяся къ IV-му вѣку:

Votum completum. Deo gratias agamus. Ex officina Fortuni et
Victoris fili ¹⁾

Тамъ же найдена другая дедикативная надпись:

[numeri<a> Armigerorum votum complebit. D(e)o g(ratias) ²⁾.

Такимъ образомъ, въ этомъ маленькомъ нумидійскомъ городкѣ, какъ, навѣрное, и въ большинствѣ другихъ, каждая

¹⁾ Recueil des notices et mémoires de la Société Archéologique de Constantine, XLII, 1908 p. 207 (P. Monceaux, Inscriptions chrétiennes du cercle de Tebessa découverts par le commandant Guénin).

²⁾ Ibid, p. 207. Equites armigeri juniores входили въ составъ военнаго гарнизона въ Африкѣ.

изъ обѣихъ сторонъ владѣла своей базиликой съ вырѣзан-
нымъ на ней девизомъ.

Нужно замѣтить еще, что Deo gratias agamus православ-
ныхъ въ Henchir Bon-Saïd соответствуетъ вполне Deo laudes
agamus донатистовъ изъ Dalaа (С. I. L. VIII, 2308 и р. 950).
По словамъ Монсеаух мы имѣемъ здѣсь очень любопытный
примѣръ удивительнаго параллелизма полемическихъ фор-
мулъ,—явленіе, которое историку, изслѣдующему перипетіи
религіозныхъ споровъ въ Африкѣ приходится не разъ кон-
статировать.

Всѣ разсмотрѣнные документы, по всей вѣроятности, от-
носятся къ тому періоду, когда донатизмъ господствовалъ
въ Нумидіи и въ сосѣднихъ областяхъ, т. е. къ IV вѣку и
началу V-го. Особенно это вѣроятно для тѣхъ документовъ,
гдѣ изображена константиновская монограмма.

Заключая рѣчь о подписяхъ, содержащихъ донатистскій
или православный девизъ, Монсеаух говоритъ, что онѣ пред-
ставляютъ интересъ не для однихъ только археологовъ. Над-
писи самыя непосредственныя очевидцы и свидѣтели религіоз-
ныхъ распрей, онѣ прекрасно освѣщаютъ внутреннюю исто-
рію христіанской Африки времянь Оптата и Августина, ри-
суютъ психологію тогдашнихъ христіанъ. Можно сказать,
что онѣ производятъ на насъ такое же впечатлѣніе, какъ
живая историческая реальность. Читая эти надписи, мы
видимъ, какъ далеко зашла религіозная распря, какъ она
проникла даже въ убѣжища молитвы,—на стѣны и двери,
колонны и капители базиликъ.

II.

Донатисты и православные не ограничивались только тѣмъ,
что часто повторяли свои девизы и начертывали ихъ на
стѣнахъ зданій и даже на перстняхъ. Они любили повѣрять
камню и мрамору свои чувства и желанія, чаянія и надежды,
свои основныя идеи, свои притязанія. Вторая группа эпи-
графическихъ документовъ, не менѣе богатая и интересная,
чѣмъ и первая, обнимаетъ монументальныя надписи дона-
тистовъ и антидонатистовъ, гдѣ содержатся отзвуки страст-
ныхъ религіозныхъ споровъ, постоянно возобновлявшихся
между вѣрующими обоихъ сторонъ.

Въ этой „полемикѣ на камняхъ“, которая продолжалась

въ Африкѣ въ теченіе смѣны многихъ поколѣній, Монсеаух замѣчаетъ одновременное употребленіе двухъ методовъ: метода прямой полемики, когда редактировавшій надпись просто воспроизводилъ одно изъ характерныхъ положеній своей церкви, или старался подыскать выразительную и краткую формулу, которая могла бы передать чувства и мысли его партіи; и метода косвеннаго, когда искали въ св. Писаніи такого текста, который былъ бы наиболѣе подходящимъ выраженіемъ мыслей и чувствъ. Въ послѣднемъ случаѣ донатисты часто прибѣгали къ измѣненію и интерполяціи священнаго текста, чтобы онъ болѣе подходилъ къ тому, что они желали выразить. Православные, видя, можетъ быть, профанацію въ такомъ обращеніи съ священнымъ текстомъ, употребляли предпочтительно методъ прямой полемики.

Напротивъ, раскольники любили, такъ сказать, бросать подъ ноги противникамъ библейскіе тексты. Поразить врага рядомъ текстовъ изъ Писанія, это значило сдѣлать однимъ камнемъ два удара: раскольники этимъ свидѣтельствовали свое благоговѣніе предъ Св. Писаніемъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ считали себя заслужившими награду на небесахъ, поражая здѣсь на землѣ тѣхъ, кого они считали соучастниками діавола.

Эти библейскія цитаціи африканскихъ камней по словамъ Монсеаух, не могутъ не остановить на себѣ вниманія историка, который ищетъ души вещей. Тутъ мы имѣемъ живое, еще какъ бы вибрирующее отраженіе самыхъ разнообразныхъ чувствъ: духа фанатизма и нетерпимости и духа миролюбія, чувства мести и чувства всепрощенія и милосердія, дикой страсти и евангельской кротости. Священные тексты получали въ Сѣверной Африкѣ такое же употребленіе, какое стихи Корана, начертанные на мечетяхъ во дни завоеваній ислама.

Темы африканской полемической эпиграфики не очень разнообразны. И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, потому что надписи—продуктъ широкаго народнаго творчества, которое всегда стремится упростить вещи. Темы эти сводятся къ тремъ, четыремъ основнымъ идеямъ; которыя раздѣляли африканскихъ христіанъ. Донатисты, преслѣдуемые свѣтской властью, естественно возмущались противъ гоненія, хулили своихъ враговъ и выражали вѣру въ божественную защиту и покровительство, православные же старались оправдать обращеніе къ свѣтской власти необходимостью

Религіознаго единства. Далѣ донатисты, считая только себя однихъ „праведными“, притязали на исключительное обладаніе чистотой и святостью и усвоили себѣ названіе „святыхъ“, православные же, болѣе скромные въ оцѣнкѣ себя самихъ, называли себя грѣшниками, признавались въ немощи человѣческой и говорили о покаяніи. Въ то же время обѣ стороны одинаково утверждали, и въ своихъ повседневныхъ спорахъ и въ эпиграфикѣ на камняхъ, свое право называться истинной вселенской церковью. Наконецъ, нѣкоторыя полемическія надписи касаются литургіи и споровъ относительно крещенія.

Документовъ, содержащихъ въ себѣ прямые или косвенные протесты противъ гоненій, порицаніе враговъ церкви, имѣется довольно значительное количество. Но возникаетъ вопросъ, какія есть основанія утверждать донатистское происхожденіе этихъ документовъ. Разсматриваемые сами по себѣ, въ отвлеченіи отъ археологической, палеографической и филологической стороны, многіе изъ такихъ протестовъ могли бы подходить и къ христіанамъ III-го вѣка, гонимымъ язычниками, и къ православнымъ, тѣснимымъ аріанами въ вандалскій періодъ, и къ еретикамъ византійскаго періода. Однако въ большинствѣ случаевъ критическое и всестороннее изслѣдованіе монументовъ устраняетъ возможность этихъ предположеній.

Прежде всего безусловными современниками гоненій противъ донатистовъ слѣдуетъ считать тѣ монументы, которые содержатъ константиновскую монограмму и принадлежать, слѣдовательно, къ IV-му вѣку. Другіе документы обличаютъ донатистскую руку, это документы съ библейскими текстами, приводимыми обычно раскольниками времени Августина. Кромѣ того, по палеографическимъ примѣтамъ, по архитектурному стилю базиликъ, гдѣ были найдены надписи, нельзя сомнѣваться въ томъ, что большая часть документовъ разсматриваемой группы относится къ IV-му или V-му вѣку. Отсюда есть всѣ основанія думать, что онѣ свидѣтели борьбы между донатистами и православными.

Нельзя сказать, чтобы всѣ тѣ протесты, которые читаются на африканскихъ камняхъ, могли быть приписаны донатистамъ. Есть исключенія. Безъ сомнѣнія, можно безусловно устранить первое изъ указанныхъ предположеній,—гипотезу

о протестахъ противъ языческихъ преслѣдованій, такъ ни одна изъ разсматриваемыхъ надписей не можетъ быть ранѣе мира церкви; эти монументальные памятники принадлежали христіанскимъ зданіямъ, а только къ концу III-го вѣка начали появляться въ Африкѣ первыя базилики.

Другія гипотезы еще можно допустить. Такъ возможно и даже вѣроятво, что многіе изъ разсматриваемыхъ документовъ принадлежать или православнымъ, гонимымъ аріанами, или еретикамъ, времени византійскаго владычества. Вотъ примѣръ.

Въ Карагенѣ, въ области Douar-ech Chott былъ найденъ обломокъ дверной притолки, гдѣ вырѣзаны слѣдующія слова, представляющія парафраза стиха изъ псалмовъ:

[F]ac nobiscu(m), D(omi)ne, signum d(e)i, ut vid[e]ant qui [m]e oderunt, et confundantur (Ps. 85, 17).

Чувство, которымъ обусловленъ былъ выборъ этого стиха, могло бы вполне подходить къ донатистамъ временъ Августина, но въ центрѣ монумента въ кругу изображенъ крестъ, а по сторонамъ этого креста расположены сиглы, которыя толкуются такъ:

Av(e), s(ancta) C(rux), n(ostra) I(ux). См. Delattre, C. R. de l'Academie des inscript., 1894, p. 101.

Судя по формѣ креста монументъ не можетъ быть раньше конца V-го вѣка. Его могли сдѣлать и православные во время владычества вандаловъ, и еретики и раскольники при византійскомъ господствѣ.

Но это исключеніе. Обычно палеографическія особенности свидѣтельствуютъ о принадлежности къ IV-му вѣку или началу V-го. Иногда присутствіе хрисмы древняго образца вполне подтверждаетъ палеографическія наблюденія.

Между прочимъ, въ развалинахъ базилики въ Henchir El—Намтамъ (къ югу отъ Sguelma) найденъ былъ четырехугольный столбъ, который помѣщался вѣроятно около престола. На немъ оказалась слѣдующая надпись:

In Christo perseveres. Pater dat panem (Gsell, Bull. arch. du Comité des travaux historiques, 1896, p. 194, n. 110).

Этотъ призывъ къ твердости, стойкости (perseverare in Christo) вполне соответствуетъ ученію донатистовъ. Находящаяся здѣсь константиновская монограмма свидѣтельствуетъ о принадлежности этой подписи къ IV-му вѣку.

Другія надписи той же группы, судя по формѣ хрисмы, которая ихъ сопровождаетъ, принадлежать, очевидно, къ тому же самому періоду или немного развѣ позднѣе. Наконецъ, иныя надписи разсматриваемой группы могутъ быть отнесены къ той же эпохѣ, судя по декоративнымъ элементамъ зданія, среди развалинъ котораго онѣ были найдены. Однимъ словомъ, критическое изслѣдованіе эпиграфическихъ документовъ, содержащихъ выраженіе протеста противъ гоненій, приводитъ Монсеаухъ къ тому заключенію, что эти документы, за рѣдкими исключеніями, гравированы на камнѣ въ періодъ наибольшаго распространенія донатизма, печать котораго они носятъ на себѣ.

Чувства возмущенія противъ преслѣдованій во многихъ случаяхъ выражаются стихами псалмовъ. Такъ въ надписяхъ на двухъ кубическихъ кускахъ камня изъ Sitifi преслѣдуемые приносятъ благодарность Богу, освободившему ихъ отъ враговъ:

Exalta te, Do(mi)ne, quia suscepisti te, et non jucundasti inimicos meos super me (C. I. L. VIII, 8623—8624. Cp. Ps. 29, 2: exaltabo te, Domine, quoniam suscepisti me: nec delectasti inimicos meos super me).

Въ другихъ надписяхъ раскольники говорятъ, что они имѣютъ твердую вѣру въ помощь Божію и не боятся, что имъ сдѣлаетъ человекъ. Въ Луврскомъ музеѣ хранится небольшая каменная плита, найденная въ Aïn Takroun (область Aïn Beïda)¹⁾. Эта плита, украшенная крестомъ, представляла изъ себя, вѣроятно, *fenestella confessionis*. Тутъ мы читаемъ слѣдующую надпись:

In Deo sperabo: non timebo quid mi<c>hi faciat homo
(C. I. L. VIII, 18742. Cp. Ps. 55, 11).

Тотъ же стихъ псалма, но только въ болѣе полномъ видѣ вырѣзанъ на капители, открытой недавно въ развалинахъ христіанской часовни въ Tescqueville (Thamallula). Надпись вырѣзана на двухъ сторонахъ. Съ одной стороны посвятельная надпись:

Bono presbitero Fausto suo, [cul]jus (in)stantia oc(c)lesia fabricata e[st].

На другой сторонѣ стихъ:

¹⁾ *Marbres antiques du Louvre, n 3016.*

[In D] eo laudabo verbu(m), in Deo lau[d]abo sermone(m); in Deo speravi, non timevo quit mihi faciat (h)omo.

(Gsell, Procès-verbaux du séances de la Commission de l'Afrique du Nord, juin 1908, p. X).

Выборъ такихъ цитатъ изъ Библии очень характеренъ. Это какъ разъ тотъ образъ выраженій, къ которому обычно прибѣгали донатисты, жалуясь на постоянное преслѣдованіе ихъ.

Особенно часто донатисты брали выраженіе того же самага чувства еще изъ посланій Ап. Павла. Стихъ изъ посланія къ римлянамъ, резюмировавшій въ краткой и энергичной формулѣ чувства упованія на Бога и презрѣнія къ опасностямъ угрожающимъ со стороны людей, былъ особенно популяренъ среди донатистовъ. Онъ читается такъ: Si Deus pro nobis quis contra nos (Rom. VIII, 31).

Цѣлый рядъ памятниковъ, открытыхъ въ проконсульской Африкѣ, въ Бизаценѣ, въ Нумидіи, имѣетъ этотъ стихъ. Въ однихъ случаяхъ формула Ап. Павла стоитъ особнякомъ, въ другихъ съ разными прибавками. Къ первой группѣ принадлежатъ диски изъ сѣраго мрамора, найденныя въ кварталѣ Douïmes въ Карфагенѣ ¹⁾, а также камень недавно найденный на берегу Тунисскаго озера ²⁾. Монументъ изъ Ain Telidjen (къ юго-западу отъ Тебессы) даетъ такой вариантъ: Si Deus pro nobis nil mihi deerit (C. I. L. VIII, 17,610).

Ко второй группѣ слѣдуетъ отнести нижеслѣдующія надписи. На монументѣ изъ Kef (Sicca Veneria), по бокамъ креста читается:

[Si Deus pro nobis], quis contra nos...? fundata labore.

(Gauckler, Bull. arch. du Comité de travaux historiques, 1897 p. 415, n. 156). На карнизѣ, найденномъ въ Henchir Khanguet—Reguiba (къ юго-западу отъ Тибессы):

[Si Deus pro nobis, quis contra nos? D(omi)n(u)s pascit me...
Неизданная надпись изъ Henchir Khanguet—Reguiba).

На мозаикѣ изъ охрестностей Lamta (Leptiminus), на которой представлены четыре райскихъ потока съ его именами (Geon, Fison, Tigris, Eufrates), имѣется надпись:

¹⁾ Delattre, Musée Lavigerie, III, p. 12—13: Pl III, 2.

²⁾ Delattre. Bull. arch. du Comité des travaux historiques 1908, p. LXXIX.

(h)ie of(t)icina Lauri. Plura facies, et meliora (a)ediffice]s. Si Deus pr[fo] nobis, quis contra nos? [Cuj]us nomen Deus scit, vol[ta]m [so]lvit cum suis.

(C. I. L. VIII 11133)

Стихъ изъ посланія къ Римлянамъ иногда комбинируется съ другими реминисценціями изъ Ап. Павла. Такъ на обломкѣ дверной притолки изъ Ain Gueber (къ юго-западу отъ Тебессы) находится такая надпись:

Fide in Deu et ambula. Si Deus pro nobis, quis adversus nos (C. I. L. VIII, 2218).

Это Fide in Deu et ambula представляетъ парафразъ изъ одного мѣста 2-го посланія къ Коринтянамъ: Per fidem ambulatus (2 Cor. V, 7).

Реминисценція того же текста имѣется на обломкѣ дверной притолки изъ Henchir Mohammed El—Bordji (около Ain Taga и тунисской границы). Этотъ обломокъ украшенъ монограмматическимъ крестомъ въ кругу и надписью: Fide in Deu, et vales (неизданная надпись изъ Henchir Mohammed El—Bordji).

Не всѣ приведенныя надписи могутъ быть датированы однимъ и тѣмъ же періодомъ (Монсеахъ здѣсь разумѣть надписи съ крестомъ), но большинство, несомнѣнно, принадлежитъ IV вѣку и началу V-го и должно быть дѣломъ донатистовъ, для которыхъ девизъ Ап. Павла былъ, такъ сказать, вызовомъ, который они бросали своимъ гонителямъ.

Переходя къ характеристикѣ полемической эпиграфики православныхъ, Монсеахъ замѣчаетъ, что здѣсь присутствуютъ всѣ тѣ характерныя черты, которыми запечатлѣна была литературная полемика православныхъ съ донатистами, насколько мы знаемъ о ней по полемическимъ сочиненіямъ, по актамъ соборовъ и т. д. Излюбленной темой у православныхъ полемистовъ того времени было прославленіе религіознаго міра и единенія. Слова *pac* (миръ) и *unitas* (единеніе) попадаютъ бевпрестанно въ сочиненіяхъ Оптата и Августина. Одной изъ книгъ епископа Гиппонскаго дано заглавіе: *De unitate Ecclesiae* (Patrol. lat Migne, t. 43 p. 391). Въ 417 г., говоря объ обращеніи многихъ донатистовъ и возстановленіи церковнаго единства, Августинъ употребляетъ слѣдующую выразительную и живописную фразу: *Pax catholica cucurrit et currit* (Aug. Ep. 185, 3, 14). Нѣсколько далѣе

онъ прибавляетъ: *Pacis atque unitatis Christi paulatim doctrina crescebat* (Ер. 185, 4, 15).

Въ Африкѣ IV-го вѣка настолько часто употребляли эти фразы, что слово *рах* въ концѣ концовъ получило спеціаль- ный смыслъ, очень непохожій на тотъ, какой оно имѣло въ эпитафіяхъ. *Рах* сдѣлалось эквивалентомъ слова *unitas*. Оно обозначало единство мѣстной христіанской общины, пред- ставленной исключительно православными. На языкѣ афри- канскихъ полемистовъ того времени слова „миръ“, „миръ Христовъ“, „миръ вселенскій“, какъ говоритъ Августинъ, обозначали религіозное единство, вселенское единство, под- держиваемое и упрочиваемое строгими мѣрами противъ раскольниковъ.

Эти же выраженія встрѣчаются и въ цѣломъ рядѣ монументальныхъ надписей этого періода. И здѣсь слово *рах* имѣетъ очевидно тотъ же смыслъ, что и въ сочиненіяхъ и письмахъ бл. Августина.

Elogia религіозному миру, понимаемому въ смыслѣ рели- гіознаго единства появляются въ православной эпиграфикѣ съ первыхъ же годовъ исторіи донатизма; свидѣтели—надписи (числомъ 5) на мозаикѣ одной базилики въ Orleansville (*Castellum Tingitanum*), базилики, которая была сооружена въ 324 г. (С. I. L. VIII, 9708). На мозаичномъ полу, на боковой сторонѣ слѣва, начертано въ три строки: *Semper рах* (С. I. L. VIII, 9712).

Недалеко оттуда прямо противъ входа находится четыре- угольникъ, покрытый буквами, комбинируемыми такъ, что онѣ повторяютъ по всѣмъ направленіямъ слова: *Sancta Eccle- sia* (С. I. L. VIII, 9710).

Достаточно сопоставить эти двѣ надписи, чтобы понять намѣренія епископа, который вдохновлялъ архитектора или мозаиста. Этотъ „миръ“, хранить который рекомендуетъ вѣ- рующимъ надпись на мозаикѣ, не просто—миръ христіан- скій, миръ евангельскій. Это еще и главнымъ образомъ „миръ церковный“, нарушаемый мѣстными раскольниками.

Въ другой мѣстности, въ *Kherba* (*Tigava*) есть аналогич- ная надпись, почти одного времени съ предшествующими:

Hic рах (Christi) (a)eterna moretur.

(С. I. L. VIII, 10947; 21498).

Эта надпись, имѣющая форму стиха, вырѣзана на двери

у входа въ церковь и принадлежит IV-му вѣку, такъ какъ въ серединѣ ея, между *Nic rax* и *aeterna moretur*, имѣется монограмма. Монсеаух указываетъ даже болѣе опредѣленную дату, именно около 375 года, т. е. немного спустя послѣ возмущенія Фирма. Дѣло въ томъ, что въ развалинахъ того же города Tigava, одновременно и рядомъ съ только что упомянутой, найдена метрическая надпись на мозаикѣ, которая говоритъ о возстановленіи крещальни, послѣ подавленія одного возстанія.

Tu modo Frumenti domito virtute rebelli

respicis ac reparas dumis contacta lavacra. (С. I. L. VIII, 10946; 21497). Здѣсь рѣчь, вѣроятно, идетъ объ опустошеніяхъ, совершенныхъ въ Tigava Фирмомъ, союзникомъ донатистовъ. А если такъ, то надпись, вырѣзанная на двери и говорящая о мирѣ, можетъ быть разсматриваема, какъ отвѣтъ на жестокости раскольниковъ, виновниковъ возстанія.

Въ проконсульской Африкѣ и особенно въ Нумидіи на обломкахъ архитектуры открыты надписи подобнаго же рода. Одинъ камень, обломокъ архитрава или дверной перекладины, имѣетъ слѣдующую надпись подъ пальмой: *Rax Dei* (С. I. L. VIII, 1214). Въ предѣлахъ Theveste, которая долгое время была однимъ изъ центровъ донатистской оппозиціи, можно указать цѣлую серію монументовъ, гдѣ постоянно повторяется, какъ рефрэнъ, *elogium* миру. Такъ, напр., въ Henchir Touta, въ развалинахъ базилики, на дверной перекладинѣ, украшенной константиновской монограммой съ буквами α и ω , надпись: *Nic rax in Deo* (неизданная надпись изъ Henchir Touta); въ Henchir El—Abiod на камнѣ: *Rax Dei b(ona). Caritas s(an)c(t)i..* (Неизданная надпись изъ Henchir El—Abiod).

Въ Aïoun Bedjen, среди развалинъ часовни, на большой дверной перекладинѣ, недавно открытой, между двухъ константиновскихъ монограммъ съ буквами α и ω , развертывается любопытная надпись, гдѣ то же самое желаніе мира развито болѣе подробно:

Aecle(s)iae domus). In Deo vivitur. Fiat pa[x] in virtute tua, et abun[dantia] in turribus tuis (неизданная надпись изъ Aïoun Bedjen).

Вторая половина этой надписи представляетъ воспроизведеніе библейскаго стиха (Ps. 121, 7). Цитация эта заслужи-

ваетъ особеннаго вниманія. Этотъ текстъ изъ псалмовъ, былъ однимъ изъ тѣхъ, которые православные полемисты любили приводить. Бл. Августинъ говоритъ въ одномъ письмѣ, гдѣ онъ обличаетъ донатистовъ: *Veniant (Donatistae); fiat pax in virtute Hierusalem, quae virtus charitas est: fiat pax in virtute tua, et abundantia in turribus tuis (Ps. 121, 7). Non se extollant (Donatistae) adversus maternam sollicitudinem quam pro ipsis et pro tantis populis, quos decipiunt vel deciebant, colligendis et habuit et habet (Aug. Ep. 185, 10, 46).*

Сходство между литературнымъ и эпиграфическимъ документомъ явное: въ надписи, какъ и въ письмѣ Августина, библейская цитация есть, очевидно, отвѣтъ донатистамъ и вмѣстѣ призывъ къ миру. Надо прибавить, что документъ изъ Aïoun Bedjen по формѣ хрисмъ—современникъ Августина.

Дверная перекладина, найденная, какъ и упомянутый выше обломокъ двери со словами: *Nic pax in Deo*, въ Henchir Touta, даетъ надпись, еще болѣе знаменательную:

D(e)i un(i)tate favente... cr(e)scentes felices...

(неизданная надпись изъ Henchir Touta).

Къ несчастью памятникъ попорченъ и восстановление возможно только гипотетическое (можно читать также: *Div(i)n(i)tate favente*). Если же указанное выше чтеніе правильно, то надпись, судя по ея началу, есть призывъ къ единенію. Надпись принадлежала церкви или часовнѣ, реставрированной въ IV-мъ или началѣ V-го вѣка,—т. е. въ ту эпоху, когда издавались эдикты объ униі.

Всю эту группу надписей, открытыхъ на обломкахъ архитектуры донатистскихъ или православныхъ зданій, можно, по словамъ Монсеаих, разсматривать, какъ переводъ на монументы тѣхъ формулъ, которыя были постоянно воспроизводимы обѣими борющимися сторонами или на соборахъ и простыхъ собраніяхъ, или въ полемическихъ сочиненіяхъ. Камни какъ бы повторяютъ намъ то, что они ежедневно слышали отъ людей. Вотъ неожиданный сюрпризъ для насъ — встрѣтить въ мѣстностяхъ, порой совершенно пустынныхъ, среди развалинъ, на обломкахъ дверей и другихъ частей базиликъ, тѣ же самыя формулы и библейскія цитации, которыя были въ ходу при литературной полемикѣ. На одной серіи камней—раскольники протестовали противъ

преслѣдованій и обращались къ помощи Божіей, какъ это они дѣлали и въ полемическихъ сочиненіяхъ (трактаты Петиліана, письма Гавденція), на другой серіи камней, какъ и въ литературныхъ памятникахъ (письма Августина) православные оправдывали репрессивные мѣры необходимостью установить религіозный миръ и единство. Никогда, замѣчаетъ Монсеахъ, не говорили столько о мирѣ и единеніи, какъ въ эти времена непрерывныхъ распрей и междоусобной войны.

На другихъ эпиграфическихъ документахъ выступаютъ ясно основные принципы ученія и дисциплины донатистовъ. Извѣстно, что африканскіе раскольники корили православныхъ тѣмъ, что они, во время гоненія Діоклетіана, выдавали списки Писанія. Донатисты считали себя единственными вѣрными хранителями чистоты. Эта идея—одна изъ любимѣйшихъ темъ ихъ полемистовъ, которая возбуждала ироническія замѣчанія Оптата и Августина ¹⁾.

Здѣсь опять африканская эпиграфика позволяетъ схватить характерныя особенности донатистскихъ идей и притязаній во всей ихъ непосредственной живости.

Въ Henchir El-Guis (къ юго-востоку отъ Тебессы), въ развалинахъ одной часовни, найденъ камень длиною въ 2 метра, можетъ быть,—столбъ или косякъ двери. Въ верхней части его, въ четырехъугольной рамкѣ, занимающей всю ширину камня, находится большая константиновская монограмма въ сопровожденіи $\alpha-\omega$, а подъ ней на шести строкахъ надпись:

Adferte Dom(ino) mundum sacrificium, adferte D(o)m(ino)—pat-
riae gentium (C. I. L. VIII, 10656).

По формѣ хрисмы эта надпись можетъ быть отнесена къ концу IV-го или къ началу V-го вѣка, т. е. ко времени Августина и его полемики съ донатистами. На первый взглядъ надпись является просто свободной передачей текста двухъ стиховъ изъ псалмовъ (Ps. 95, 7—8). Но при внимательномъ разсмотрѣніи оказывается, что она заключаетъ въ себѣ слово, обличающее сектанскую мысль, именно mundum. Слово это не имѣетъ соответствующаго ему термина

¹⁾ Optat. II, 20; III, 11, V, 4—6; Aug. Contra litteras Petiliani I, 1, 2; 2, 3; 4, 5; II, 2, 5; 3, 7; 4, 9; 5, 11,

ни въ греческомъ текстѣ, ни въ Вульгатѣ. Оно отсутствуетъ въ африканскихъ библейскихъ текстахъ, неизвѣстно Тертуллиану, который цитуетъ эти стихи псалма ¹⁾. Слово это, равно какъ и соединяемая съ нимъ идея, характерны для донатистовъ. Это именно—одинъ изъ пунктовъ, на которомъ сосредоточивались споры между двумя сторонами. По мнѣнiю антидонатистовъ всякое таинство было дѣйствительно, разъ оно правильно совершено хотя бы и недостойнымъ священникомъ. Донатисты напротивъ утверждали, что дѣйствительность таинства зависитъ отъ „чистоты“ совершителя. Чтобы выразить и отгнѣнить эту идею, они употребляли слова *mundus, munditia*, которыя были для нихъ техническими терминами. Напримѣръ, Петилiанъ изъ Константины говорилъ въ началѣ большого памфлета, направленнаго противъ партiи Августина: *Quibus equidem obsecnis sordes cunctae mundiores sunt, quos perversa munditia aqua sua contigit inquinari* (Aug. *Contra litteras Petiliani*, II, 2, 4). Августинъ отвѣчалъ: *Nec aqua nostra inquinamur, nec vestra mundamur... Incerta erit accipientis mundatio* (Ibid. II, 2, 5; 3, 7).

Итакъ, есть въ библейской цитатѣ монумента изъ Henchir El-Guis слѣды сектантской интерполяци. Эта интерполяци, совпадающая по времени съ полемикой Августина противъ раскола, есть, очевидно, дѣло донатиста, и навѣрное клирика, бывшаго *au courant* всѣхъ тогдашнихъ споровъ.

Мы знаемъ далѣе изъ литературныхъ источниковъ, что донатисты называли себя *sancti*—святые, что вызвало противъ нихъ сарказмы Оптата и Августина ²⁾. Этотъ титулъ *sancti* встрѣчается на африканскихъ монументахъ. Въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ не о тѣхъ безчисленныхъ надписяхъ, гдѣ слово *sanctus* есть просто титулъ святого, мученика или епископа ³⁾, а объ опредѣленныхъ документахъ, гдѣ титулъ *sancti* имѣетъ смыслъ коллективный и обозначаетъ исключительно вѣрующихъ донатистской общины.

Въ Henchir El Oglâ (къ югу отъ Henchir El-Aḍjedj и къ

¹⁾ Tert., *Adversus Judaeos*, 5. Item in Psalmis David dicit: *Adferre Deo, patriae gentium... Adferre Deo claritatem et honorem, adferre Deo sacrificia nominis ejus. Tollite hostias, et introite in atria ejus.*

²⁾ Optat. II, 1; II, 14 и 20; Aug., *Contra litteras Petiliani* II, 20, 44; 48, 111—112; ср. Collat. Carthag III, 258.

³⁾ См. касательно употребленiя слова *sanctus* въ христіанской эпитафiкѣ статью H D: *Sanctus* (въ *Analecta Bollandiana*, 1909, p. 161 sq)

юго-западу отъ Тебессы) найдены остатки базилики. Триумфальная арка абсиды была украшена скульптурной гирляндой. На камнѣ, замыкающемъ сводъ этой арки, вверху и внизу круга, гдѣ изображенъ монограмматическій крестъ въ сопровожденіи $\alpha-\omega$, имѣется слѣдующая надпись:

Sanctorum sedes. Domu(s) Domini, qui pure petita (ac)cipit.

(Неизданная надпись изъ Henchir El-Ogla).

Въ начальной формулѣ: Sanctorum sedes подѣ терминомъ sanctorum, употребленномъ безъ имени святыхъ или мучениковъ, нельзя разумѣть „святыхъ“ въ обычномъ смыслѣ этого слова. Дѣло идетъ, очевидно, о „святыхъ“ по сектантскому ученію, т. е. о вѣрующихъ донатистской общины. Заключительныя слова надписи вполнѣ подтверждаютъ такое толкованіе. Pure petita это—эквивалентъ слова mundum изъ надписи Henchir El-Guis. Здѣсь, слѣдовательно, мы опять видимъ выраженіе идеи чистоты, право обладанія которой раскольники присваивали только себѣ.

Это, впрочемъ, не единственный документъ, гдѣ донатисты именуется sancti. Въ Henchir Oumkif (Cedias, къ юго-востоку отъ Mascula), нашли недавно камень, который первоначально помѣщался, повидимому у входа въ храмъ, а позже былъ использованъ въ качествѣ крышки для саркофага. На немъ можно прочесть слѣдующую любопытную надпись:

[H]aec facilis patet aula Sanctis. [In]grediens fabre factum parvis
[o]pibus videbis opus. Jam pater [Se]cundus operam navavit. Si qui[s]
civ(is) facile putarit, [si] potis est, meli[us] faxit (Gsell, Bull. arch.
du Comité des travaux historiques, 1907, p. CLXXXVI).

Предъ нами посвяtitельная (дедикативная) надпись. Слово aula означаетъ атрій, дворъ, устроенный предѣ базиликой. Начальныя слова надписи имѣютъ, слѣдовательно, такой смыслъ: эта церковь открыта для святыхъ и, значить, закрыта для непосвященныхъ. Эти „святые“ не могутъ быть православными, ибо они не претендовали на этотъ титулъ и, напротивъ, на другихъ эпитафическихъ документахъ того же города (Cedias) называли себя смиренно „Cedienses peccatores“ (C. I. L. VIII, 2309, 17759). Эти „святые“ изъ Henchir Oumkif, какъ и „святые“ изъ Henchir El-Ogla, не кто иные, какъ вѣрующіе раскольничьей церкви,—донатисты. Кстати слѣдуетъ вспомнить, что въ развалинахъ того же Cedias открытъ обломокъ съ раскольничьимъ девизомъ: Deo

laudes (С. I. L. VIII, 2223). Затѣмъ, судя по официальнымъ документамъ, въ началѣ V-го вѣка въ Cadius былъ дона- тистскій епископъ, по имени Fortis, но не было епископа православнаго (Collat. Carth. I, 163). Донатисты были, слѣдо- вательно, въ этомъ городѣ господами положенія. Это все вполне объясняетъ гордую надпись на фасадѣ ихъ базилики.

Эти „святые“, эти „чистые“ донатистской церкви есте- ственно притязали на то, чтобы быть единственно „правед- ными“ (justi) въ библейскомъ смыслѣ этого слова ¹⁾. Они любили воспроизводить въ своихъ церквахъ стихи изъ Пи- санія, прославляющіе „праведныхъ“. Иногда они не стѣсня- лись даже измѣнять смыслъ священнаго текста, чтобы со- гласовать его со своимъ ученіемъ. Вотъ любопытный образ- чикъ этого. Въ Константиѣ была открыта прекрасная мо- заика, вѣроятно IV-го вѣка, которая, повидимому, украшала полъ часовни. Она имѣла форму большой 4-угольной рамы, края которой украшены витой лентой. Внутри ея—богатая декорація изъ листьевъ, стебли которыхъ выходятъ изъ че- тырехъ вазъ, расположенныхъ на четырехъ углахъ. Въ се- рединѣ рамы—широкій разноцвѣтный вѣнокъ. Въ центрѣ вѣнка, между двумя птицами, маленькая прямоугольная рамка, которая заключаетъ въ себѣ слѣдующую надпись: *Justus sibi lex est* (С. I. L. VIII, 7922).

Здѣсь—очевидный намекъ на одно мѣсто изъ посланій Ап. Павла: *Ipsi sibi sunt lex* (Rom. II, 14). Но въ этомъ мѣстѣ Ап. Павелъ говоритъ о благочестивыхъ язычникахъ, что они „сами себѣ законъ“, а эпитафическая формула даетъ другой смыслъ. Прибавили слово *justus*, котораго нѣтъ ни въ Вульгатѣ, ни въ древнихъ африканскихъ текстахъ, и такимъ образомъ, на мѣсто благочестиваго язычника поставили праведнаго предъ Богомъ,—праведнаго, который самъ себѣ законъ.

Вотъ еще надписи, въ которыхъ выражено это притяза- ніе раскольниковъ на святость и праведность. Въ *Newbir El-Guesseria* (къ сѣверо-западу отъ Батны) на дверной пере- кладинѣ, у фасада церкви, читается слѣдующая надпись: *Haec porta Domi[ni]. Justi intrabu[nt]*. См. С. I. L. VIII, 10863; 18552, ср. P. 117, 20.

¹⁾ Aug. Ep. 185, 9, 37—38; *Contra litteras Petilianae* II, 66, 147; 67, 149—150.

По мнѣнію Моссеахъ этотъ стихъ не могъ быть вырѣзанъ православными, которые не рѣшались называть себя праведными. Зато онъ очень хорошо передаетъ донатистскія идеи: одни только вѣрующіе изъ партіи Доната, т. е. „праведные“ имѣютъ право входить въ донатистскую церковь.

Обломокъ одной капители, изъ часовни въ *Touqueville* (*Thamallula*), имѣетъ слѣдующую надпись:

L(a)etamini Domino et exult[ate,] justi, et gloriemur omnes recti corde. Bono qui iscrisbit (Gsell, *Procès-verbaux des séances de la Commission de l'Afrique du Nord, juin 1908, p. X*).

Тутъ опять стихъ изъ псалмовъ (*Ps. 31, 11*), но подлинный текстъ даетъ чтеніе: *gloriamini*, а африканскій рѣзчикъ. вѣрнѣе — клирикъ, который водилъ его рукой, замѣнилъ 2-е лицо (*gloriamini*) 1-мъ (*gloriemur*). Такимъ образомъ, онъ примѣнилъ стихъ къ себѣ самому и къ своимъ. Какъ истый донатистъ, онъ причислилъ себя и своихъ единовѣрцевъ къ праведнымъ и, кажется, былъ восхищенъ собственнымъ вариантомъ: *Bono qui iscrisbit!*

По всей видимости принадлежитъ африканскимъ раскольникамъ еще значительное число христіанскихъ эпиграфическихъ документовъ, гдѣ фигурируетъ формула: *Bonis bene*. Эта формула—языческаго происхожденія ¹⁾, но она была усвоена христіанами, особенно раскольниками, гордя притязанія которыхъ она хорошо передавала. Она была въ употребленіи въ теченіи IV-го вѣка, какъ это доказываютъ многочисленныя монументы, на которыхъ она стоитъ въ связи съ константиновскою монограммой. Встрѣчается данная формула напр. въ *Henshir Guessès* (около *Tingud*) на христіанской капители (*C. I. L. VIII, 17810*); въ *Henshir Seïdra* (къ юго-востоку отъ *Тебессы*, у тунисской границы) на дверной перекладинѣ (неизданная надпись изъ *Henshir Seïdra*): въ *Henshir Sidi El-Hadj* (*Aquae Herculis*) на камнѣ, украшенномъ монограмматическимъ крестомъ въ кругѣ (*C. I. L. VIII, 2492*).

Часто *Bonis bene* соединяется съ другими формулами. Вотъ примѣры. Надпись на баллюстрадѣ, которая отдѣляла мѣсто, назначенное для посвященныхъ двѣ въ базиликѣ изъ *Ан*

¹⁾ Вотъ для примѣра образецъ ея употребленія въ одной надгробной надписи: *habetis amici et amici et amicae ., ago memoriae vestrae gratias. B(onis) b(ene)*. *C. I. L. VI, 14537*.

Star (между Khenchela и Ain Beida): Virginum sane(elli). B(onis) b(ene). См. С. I. L. VIII, 17801. Надпись на дверной притолкѣ изъ Henchir Redir El-Fras (къ юго-западу отъ Тебессы): A(djuva) n(os). B(onis) b(ene) (неизданная надпись изъ Henchir Redir El-Fras). Надпись на купели изъ Tingad, съ двумя константиновскими монограммами: B(onis) b(ene). (H)oc uruc(e)u(m) Ti(berius) Fortunatus fecit (Ballu, Bull. arch. du Comité de travaux historiques, 1907, p. CLXXXVII и 277).

Очень вѣроятно, что всѣ эти монументы донагистскаго происхожденія. Во всякомъ случаѣ есть несомнѣнные доказательства того, что формула B(onis) b(ene) была свойственна донагистамъ. Такъ она фигурируетъ въ началѣ эпитафій одного мученика донагиста, изъ времени Августина (С. I. L. VIII, 10832; 20480). Далѣе на обломкѣ камня изъ свода одной базилики въ Henchir Bou-Said эта формула окруженная константиновской монограммой, непосредственно предшествуетъ знакомому намъ девизу донагистовъ: B(onis) b(ene). Deo laudes (неизданная надпись изъ Henchir Bou-Said).

Употребленіе этой краткой формулы, очевидно, было для донагистовъ средствомъ или способомъ подчеркнуть, что они только праведны предъ Богомъ и потому имѣютъ право на особенное божественное покровительство.

Что же касается православныхъ, то они не считали себя въ правѣ именоваться „праведными“, „святыми“, „чистыми“ (Aug. Ep. 185, 9, 38 etc.) и на высокомѣрныя заявленія раскольниковъ отвѣчали признаніями человѣческой слабости, грѣховности. Многія монументальныя надписи являются какъ бы эхомъ словъ Августина, противоположавшаго, въ своихъ сочиненіяхъ противъ раскола смиреніе православныхъ заносчивости донагистовъ. Образецъ послѣдней мы уже видѣли въ надписи на фасадѣ одной базилики въ Cadius, которая гласитъ, что входъ во храмъ открытъ только для „святыхъ“. ¹⁾ Въ предѣлахъ того же города найдена другая надпись, помѣщавшаяся у входа въ церковь и, по видимому, современная только что упомянутой. Вотъ этотъ любопытный документъ in extenso:

I(n) n(omine) Patri(s) Domini Dei, qui est Sermone, Donatus et Novigius fecerunt Cedienses peccatores (С. I. L. VIII, 2309; 17759).

¹⁾ Gsell, Bull. arch. du Comité des travaux historiques, 1907, p. CLXXXVI.

Эта посвятельная надпись принадлежала, быть можетъ, донатистамъ, возвратившимся въ лоно церкви и пожелавшимъ доказать искренность ихъ обращенія открытымъ отрицаніемъ прежнихъ притязаній на святость и праведность.

На обломкѣ одной перекладины или же архитрава, который былъ открытъ въ развалинахъ Ain Segar (къ юго-западу отъ Тебессы) и находился надъ дверью часовни одного святого, читается надпись:

(H)ic sedes sancti... (H)ic recisio caus(a)e [peccatorum]. Hic in Christo floreat... (С. I. L. VIII, 10701; 17617).

Средняя формула (hic recisio causae...) содержитъ намекъ на таинство покаянія и отпущенія грѣховъ. Это, по мнѣнію Монсеаух, эпиграфическій отвѣтъ православныхъ на неумѣренность притязаній африканскихъ раскольниковъ.

Въ той же самой области Африки, въ Ksar Ouled—Zid найденъ обломокъ перекладины, очевидно помѣщавшейся надъ входомъ въ базилику. На немъ воспроизведено извѣстное евангельское изреченіе (Мѡ. VII, 7; Лук. XI, 9) съ очень знаменательнымъ добавленіемъ. Вотъ эта надпись:

[Petite], et dabitur (v)obis; qu(a)erite, et invenietis, [Est aperta domu(s) Christi pulsante p(o)p(u)lo, expectans pontificum s(a)c(e)r-d(o)t(u)m p(reces) pro delicta populi (неизданная надпись изъ Ksar Ouled—Zid)].

Въ заключительныхъ словахъ надписи мы встрѣчаемъ новый намекъ на покаяніе и, можетъ быть, обращеніе раскольниковъ.

Какъ видно по этимъ надписямъ, относящимся къ таинству покаянія, церковная литература IV-го и V-го вѣка оставила слѣды въ африканской эпиграфикѣ. То же самое, говоритъ Монсеаух, справедливо и въ отношеніи къ донатистскимъ литургическимъ установленіямъ. Донатисты были строгими до упрямства ревнителями старины. Они праздновали только тѣ праздники, которые были установлены въ мѣстной церкви до 312 года. Всѣ послѣдующія нововведенія они отвергли, въ родѣ напр. праздника Крещенія, который былъ введенъ и утвердился въ Африкѣ въ IV-мъ вѣкѣ (Aug, serm. 202,2 (in Epiphaniam Domini) ¹⁾). Въ Sitifi найдена была, между прочимъ, слѣдующая надпись:

¹⁾ Въ опредѣленіи того, какому воспоминанію слѣдуетъ посвящать тѣль Богоявленія, въ древне-христіанской церкви первоначально наблю-

Natale Domini Christi VIII Kalendas) Januarias (C. I. L. VIII, 862S)

Это эпиграфическое упоминание о празднованіи Рождества Христова въ день Богоявленія имѣеть по мнѣнію Monceaux, смыслъ только въ томъ случаѣ, если допустить донатистское происхожденіе документа. Возможно, что онъ имѣлъ полемическое значеніе, заключая въ себѣ косвенный протестъ противъ „новшествъ“ православныхъ.

Вопросъ о крещеніи, который давалъ пищу непрерывнымъ спорамъ между обѣими сторонами, повидимому, тоже находилъ отраженіе въ африканской эпиграфикѣ. Какъ уже было выше упомянуто, въ Silliguc на дверной притолкѣ, бывшей у входа въ донатистскую крещальню, имѣется надпись: Deo laudes super aquas a No[va]rensibus?]. См. C. I. L. VIII, 20482.

Вырѣзая эту надпись на фасадѣ баптистерія, раскольники утверждали, такъ сказать, за собой монополию крещенія.

Со своей стороны православные подвергали критикѣ этотъ донатистскій тезисъ, сводившійся на практикѣ ко второму крещенію. Православные утверждали, что это таинство должно быть совершаемо только одинъ разъ. Въ метрическихъ надписяхъ одной крещальни въ Карфагенѣ, или въ окрестностяхъ его, находятъ слѣдующіе стихи:

Semper enim vivit, quam *semel* unda lavat..

Idque *semel* factum sit tibi perpetuum.

(De-Rossi, *Inscr. christ.* t II, p. 240, n 4; A, 4; C, 2).

Эти стихи очень хорошо резюмируютъ ученіе православныхъ и *implicite* осуждаютъ практику второго крещенія, но имѣютъ ли они въ виду именно донатистовъ? Безусловно положительнаго отвѣта на это нельзя дать. Они могли быть направлены и противъ африканскихъ арианъ, тоже перекрещивавшихъ прозелитовъ. Но можно также допустить, что

дается нѣкоторая двойственность и въ разныхъ помѣстныхъ церквахъ были на этотъ счетъ свои традиціи. Для однихъ день Богоявленія былъ днемъ воспоминанія Рождества Христова (явленіе Спасителя въ міръ во плоть), для другихъ—днемъ воспоминанія Крещенія (явленіе Христа народу). Въ Африкѣ согласно мѣстной традиціи праздновали и вспоминали Рождество Христова въ день Богоявленія. Но во 2-й половинѣ IV-го вѣка повсемѣстно начинается устанавливаться единообразіе въ значенія праздника Богоявленія: онъ посвящается воспоминанію одного Крещенія.

эпиграфическое исповѣданіе православнаго ученія имѣло въ виду вообще всѣхъ сторонниковъ второго крещенія, и арианъ и донатистовъ вмѣстѣ.

И та и другая сторона въ полемикѣ упрекала другъ друга въ допущеніи насильственныхъ дѣйствій. Отголосокъ этого мы встрѣчаемъ и въ эпиграфикѣ. Одна метрическая эпитафія ставитъ въ вину донатистамъ, что они убили одного нумидійскаго діакона, по имени Nabor:

Donatistarum crudeli caede peremptum.

(De-Rossi. *Inscr. christ.* t. II, p. 461, l. 1).

Одна любопытная ляпидарная грамата, найденная въ Капонаи и утверждавшая привиллегіи монастыря св. Стефана, содержитъ, быть можетъ, тоже намекъ на насилія, допускаемыя донатистами:

...esse iniquitatibus alienum [vel sacrilegiis quae ab Arianorum vel Donatist]arum ministris adsolent fieri (*Dihl. C. R. de l' Acad. des Inscrip.* 1894, p. 384, l. 5—6).

На другомъ концѣ Африки, около предѣловъ Tingitane въ Ronian (Ala Miliaria), въ эпитафіи одного изъ своихъ мучениковъ (въ 434 г.) донатисты выставляютъ въ качествѣ виновниковъ его смерти, православныхъ, которыхъ они называютъ измѣнниками, предателями (*traditores*):

C(a)ede tradit[orum] vexata, meruit dignitate(m) martiri(i).

(Gsell, *Feuilles de Banian.* Paris, 1899, p. 25).

Другимъ предметомъ жалобъ для донатистовъ было періодическое отбирание у нихъ церковей. Одинъ документъ изъ Ain Ghorab (къ юго-западу отъ Тебессы), кажется, упоминаетъ именно о такой конфискаціи. Въ этой мѣстности открыта была метрическая дедикативная надпись изъ храма ап. Петра и Павла. Эта посвяtitельная надпись, вырѣзанная на двухъ камняхъ, принадлежавшихъ, очевидно, аркадѣ абсиды, касается реставраціи зданія, произведенной священникомъ Probanlius. Въ большей своей части она является воспроизведеніемъ дедикативной надписи „S. Petri ad vincula“ въ Римѣ (см. De-Rossi, *Bull. Crist.* 1878, p. 14: *Inscr. Christ.* t. II, p. 110 и 134). Но на африканской надписи изъ Ain Ghorab, каждый изъ трехъ стиховъ сопровождается крестомъ и фрагментомъ надписи:

unni[m] que s[ic]o pa[tr]es unum duo [sum]ite munus + aed[ec]lesia
unus [hon]or celebret quos h[ab]et una fides + dom

[pre]s[byteri ta]men [h]is o[pus est] et cura probanti+tist.

(С. I. L. VIII, 10707—10708; 17615).

Если соединить фрагментарныя части надписи, стоящія за крестомъ, то можно прочесть: *Aeclesia Donatist...*, что Монсеахъ истолковываетъ такъ: *Ecclesia Donatist[arum restituta]*.

Въ числѣ темъ полемическихъ разсужденій и дебатовъ между православными и донатистами, былъ вопросъ о томъ, какая церковь есть истинно вселенская. Обѣ стороны оспаривали право называться вселенской церковью ¹⁾. Отголосъ и этихъ споровъ Монсеахъ отыскиваетъ въ эниграфическихъ документахъ.

Въ Тираза (Мавританія) въ эпитафій еп. Александра (конецъ IV-го вѣка) читаются слѣдующія слова:

Honoribus... in Aeclesia catholica functus... caritati pacique dicitus (С. I. L. VIII, 20905, l. 2—3).

Слово *catholica*, по мнѣнью Монсеахъ, имѣетъ цѣлью подчеркнуть противоположеніе между истинно вселенской церковью и раскольничьей, тѣмъ болѣе что далѣе встрѣчается слово *pac*, которое, какъ уже было упомянуто выше, обозначало тогда въ Африкѣ миръ церковный по преимуществу, церковное единство въ противоположность схизмѣ.

На другой надписи изъ Ksar El-Kelb (между Theveste и Mascula), принадлежащей IV-му вѣку, читается: [F]abr[ic]a catholicarum Ecclesiarum (С. I. L. VIII, 2311 и p. 951).

Въ Souk—Ahras (Thagaste), на большомъ камнѣ, который находился у входа въ церковь, около монограмматическаго креста съ $\alpha-\omega$, надпись такого рода: *Beatam Ecclesiam catholicam. Ex officina Fortunatiani* (С. I. L. VIII, 5176).

Вѣроятно, что и эти двѣ надписи относятся къ полемикѣ по вопросу объ истинной вселенской церкви. Только нельзя сказать съ опредѣленностью, кому онѣ принадлежатъ,—православнымъ или донатистамъ, такъ какъ обѣ стороны одинаково усвоили себѣ титулъ вселенской церкви.

Резюмируя наблюденія надъ монументальными надписями, относящимися къ полемикѣ между донатистами и православными, Монсеахъ говоритъ, что онѣ представляютъ цѣн-

¹⁾ *Acta purgationis Felicis*, p. 198, Ziwsa; *Acta Saturnini*, 16 и 20. *Valuze*; *Passio Donati*, 3; *Optat.* II, 1 и слѣд.; *Aug. Ep.* 88, 2; 93, 8, 24, *Bevic. Collat.*, III, 3, 3; 4, 4.

ный вкладъ въ дѣло изученія подробностей полемики дона-тистовъ и антидонатистовъ. Камни или мозаика съ надписями на нихъ доносятъ до насъ эхо этихъ безконечныхъ споровъ и разсужденій по всѣмъ существеннымъ пунктамъ: преслѣдованія и гоненія, миръ и единство церкви, притязанія на чистоту, святость и праведность, литургическіе вопросы и споры о таинствахъ, взаимный обмѣнъ жестокостями и насильственными мѣрами, конфискація базиликъ, дебаты объ истинной вселенской церкви.

Правда, эти эпиграфическіе документы не сообщаютъ намъ ничего такого, чего бы мы не знали изъ другихъ источниковъ, не даютъ намъ, сравнительно съ ними, ничего дѣйствительно новаго.

Но зато они подтверждаютъ вполнѣ данныя полемической литературы, факты, почерпаемые изъ сочиненій Олтата и Августина и ихъ противниковъ. А главное то, что эти свидѣтельства на камняхъ, современныя спорамъ и переданныя друзьями или врагами полемистовъ, оживляютъ предъ нами это далекое прошлое, даютъ историку, или простому читателю ихъ впечатлѣніе живой исторической реальности. И изслѣдователю данной эпохи, чтобы вдунуть дыханіе и жизнь въ это умершее прошлое, достаточно взять эти надписи, начертанныя въ храмахъ современниками, очевидцами или виновниками исторической драмы.

С. З.
